

*Посвящается малютке К. —
мы тебя ждем*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Теплый воздух дохнул на Джесс, надув ей на лицо волосы вместе с песчинками, подхваченными с пола платформы.

Поморгав, она выплюнула изо рта прядки своего растрепавшегося белокурого «боба» и протерла тыльной стороной ладони глаза. А в следующий миг гулкий скрип, разнесшийся по станции метро, возвестил о прибытии поезда.

Слава богу.

«Ну и вечерок выдался».

При этой мысли Джесс ощутила легкий укол вины. Посторонившись, она пропустила ручеек высадившихся пассажиров, уже зашпешивших по своим делам. И, быстро проскользнув в конец платформы — подальше от небольшой кучки людей, сгрудившихся в центре, — вошла в передний вагон. Время близилось к полуночи, это был последний поезд метро, на котором она могла добраться домой, и, хотя пассажиров в нем и без того было мало, Джесс хотелось тишины — покоя, обычно гарантированного в головном вагоне. Стоило ей опуститься

на тонкое мягкое сиденье, как характерный звуковой сигнал предупредил о том, что двери поезда сейчас закроются. Вытащив из кармана тренча телефон, Джесс поглядела на экран и призадумалась: стоит ли отправлять сообщение Лив, работавшей сегодня в ночную и не попавшей на их винные посиделки, которые не удалось избежать ей самой?

Джесс снова кольнула вина: возможно, она слишком строга к Николь. А ведь больше никто из бывших коллег не посчитал нужным поддерживать с ней связь после увольнения из полиции в прошлом году. Даже Лив, прежде лучшая подруга Джесс, похоже, позабыла о ней в последнее время, уйдя с головой в свою новую работу в Подразделении по борьбе с современным рабством и похищением людей. Джесс, конечно, была рада за Лив. Но все-таки скучала по их болтовне и добродушному подтруниванию. Да-да, подтруниванию — как правило, над Николь.

Поезд тронулся, занырнул в алчный зев темноты, и Джесс, открыв их чат в WhatsApp, пробежала глазами переписку недельной давности. Сообщение о том, что она не сможет прийти на встречу, Лив снабдила пожеланием «Удачи!» и подмигивающим смайликом. Частое и бесконтрольное использование эмодзи выдавало в них миллениалов — Джесс узнала об этом от старшей дочери. Но, собственно, они ими и были.

Набрав сообщение, Джесс нажала «Отправить».

«Николь была в своем репертуаре XD

В подробностях — в другой раз.

Надеюсь, на работе все норм».

Уповавая на то, что сообщения будут доставлены, как только мобильник подключится к нестабильному Wi-Fi на одной из следующих станций, Джесс опустила телефон обратно в карман и окинула взглядом вагон. Настроения послушать музыку или подкаст не было. Вместо этого ее вдруг обуяла потребность в самобичевании. Вновь и вновь прокручивая в голове сцены минувшего вечера, Джесс истерзалась вопросом: может быть, Николь права? В том, что она превратилась в «натуральную мамашу-наседку», что бы под этим ни подразумевалось? И, глядя на нее теперь, уже нельзя было сказать, что она прежде работала детективом! Неужели это правда? Неужели Джесс так сильно растеряла себя прежнюю?

Николь осталась в их старой команде; благодаря своему дерзкому и прямолинейному характеру вкупе со здоровым пофигизмом, она гармонично вписалась в мужской коллектив. Настолько, что недоуменно и невинно моргала своими большими голубыми глазами, когда Лив и Джесс жаловались на невыносимое женоненавистничество. Она будто вообще не понимала, о чем шла речь. Нет, Николь, конечно, сперва тоже с этим столкнулась. Но она быстро справилась с проблемой, стала «своим парнем» — той самой «крутой девчонкой», по версии Гиллиан Флинн. Лив направила свою ярость в деятельное русло, добившись перевода и повышения по службе. А Джесс... Джесс просто взяла и уволилась.

В попытке отмахнуться от докучливых неприятных мыслей, Джесс снова вытащила из кармана мобильник и вперила глаза в подсвеченный экран-за-

ставку: напоминание о том, с чем она в итоге осталась. Две маленькие девчужки, девяти и четырех лет, с щербинками между зубов и их отец с пронзительными темно-кариими глазами застыли по обе стороны от рыжей стаффордширской бультерьерши с таким же широким оскалом во всю морду, как и улыбки на лицах сестричек. Джесс улыбнулась самой себе. Оно того стоило! Ее семья, ее дочери стоили того, чтобы она уволилась. И прошедший год, который она провела, отводя и забирая старшую из школы, все проведенные с семьей выходные, долгие неторопливые прогулки с Хани в середине дня были тому доказательством. Джесс сумела наверстать и компенсировать былое пренебрежение к семейным обязанностям и досугу, на которое ее обрекала требовательная работа с ненормированным графиком.

Довольная своим правильным жизненным выбором, Джесс снова убрала телефон в карман. Но, еще раз окинув взглядом вагон, ощутила знакомый прилив. То, что она так старательно пыталась игнорировать, но что все упорнее и настойчивее омрачало ее безмятежную жизнь без работы в последние полгода, — прилив скуки, если уж быть честной перед собой.

Сидевший напротив нее пожилой мужчина в костюме неловко заерзал. И Джесс осознала, что, погружившись в свои мысли, невольно сфокусировала на нем взгляд. Извинительно улыбнувшись, она в смущении поспешно отвернулась. Кому приятно стать объектом навязчивого внимания со стороны незнакомой чудачки в почти пустом вагоне ночного

поезда? У мужчины была смуглая, почти оливковая кожа и реденеющие седые волосы. И, судя по мешкам, темнеющим под глазами, и расслабленному галстуку, он только ехал с работы. Так выглядит человек, проработавший весь долгий день допоздна и, скорее всего, обреченный встать на следующее утро спозаранку после короткого, всего в несколько быстротечных часов, сонного забытья. Лоб незнакомца заблестел капельками пота, и он, еще ниже опустив узел галстука, вытянул шею, пытаясь поймать струйку свежего воздуха. В вагоне было душно. И Джесс тоже нервно повела плечами под тренчем, ощутив, как увлажнилась под мышками ткань ее платья от «Реформейшн», которое она приобрела поддержанным через приложение. Слова Николь опять зазвучали в ушах, понудив Джесс ощетиниться. Она не выглядела как мамаша-наседка! У нее даже имелась татушка.

Взгляд Джесс упал на парочку подростков в конце ее ряда сидений. Опершись об изогнутую стеклянную перегородку перед дверьми, они сжимали друг друга в крепких объятиях. Парень был белым; его подбородок усеивали розовые прыщики, а светло-каштановые волосы, разделенные пробором, падали до ушей «шторками». «Похоже, стрижка „шторы“ вернулась в моду», — отметила про себя Джесс. Девушка была темнокожей, в кроссовках на платформе и расклешенных брюках с лайкрой (возвращение этого лука в тренды Джесс тоже, увы, пропустила). Поддавшись легкому всплеску эмоций, она невольно задалась вопросом: как скоро ее девочки начнут обжиматься с парнями в поезде метро?

Обжиматься...

Господи, да она и вправду стала рассуждать как мамаша-наседка!

Оставив в покое ребят, периодически целовавшихся и хихикавших над нашептанными шутками, Джесс перевела взгляд в другой конец вагона. Там, на одной из старомодных скамеек, сидел всего один человек — белый мужчина. Эти скамьи, смотревшие друг на друга, располагались так близко, что в час-пик людям приходилось сгибать ноги под замысловатыми углами, чтобы не тереться ими о колени пассажиров напротив. А сейчас мужчина оккупировал всю скамью — откинувшись на ее спинку и максимально широко расставив вытянутые конечности. И хотя в последнем поезде народу практически не было и он мог себе это позволить, Джесс почему-то решила, что этот человек не изменил бы позы, даже если бы в вагон зашла группа престарелых монахинь, нуждавшихся в отдыхе. Лицо у мужчины было розовым, и он буравил хмурым взглядом банку «Карлинга». Джесс захотелось выкрикнуть ему: «Разве вы не знаете, что распитие спиртных напитков в метро запрещено?» В ней все еще временами разыгрывала профессиональная приверженность законности и правопорядку. Но теперь Джесс была только матерью-домохозяйкой, да и сил и энергии для того, чтобы вступать в словесную перепалку из-за банки лагерного пива, у нее не осталось.

Поезд остановился на следующей станции, «Оксфордской площади», и в вагон ввалилась шумная компания ребят — по виду студентов. Проигниори-

ровав свободные места, они остались стоять у дверей и, лишь слегка понизив голоса, продолжили бурное обсуждение волнительных событий вечера.

— Вы видели это свиное рыло, когда Дейл велел ему убираться обратно на ферму? — хохотнула девица с густыми темными кудрями и бледно-коричневой кожей.

Джесс заметила в руках ребят плакаты. И внутренне посочувствовала тем бедолагам в униформе, которым пришлось нести боевое дежурство на студенческой протестной акции. Покрутив головой, Джесс постаралась прочитать текст какого-нибудь плаката, чтобы понять, против чего протестовали ребята, но те все время перемещались, поворачивались, кривлялись и гримасничали, взхлеб делясь воспоминаниями и историями бурного вечера.

Внимание Джесс, так и не успевшей удовлетворить свое любопытство насчет причины протеста, привлекла другая женщина, которая — иначе попросту не скажешь — барственно прошествовала мимо ребят, явно нацелившись занять место на одной из скамеек, рядом с распивалой «Карлинга». Она действительно царственно пронесла свою высокую и стройную фигуру, которую приверженцы бодипозитива уже не посчитали бы идеальной, но о которой до сих пор мечтала Джесс (ох уж эти издержки воспитания, полученного в нулевых!). Кончики красивых шоколадных волос женщины живописно высветлялись до русого цвета. Совершенный макияж на лице искусно акцентировал густые брови и красные губы. Эта пассажирка была всего лишь на

несколько лет старше студенток — так заключила Джесс. Но то, как женщина держала себя — в своей винтажной кожаной куртке оверсайз, массивных золотых украшениях и джинсах в стиле девяностых, небрежно свисавших с бедер, — придавало ей возраста. Вытащив телефон, она сделала парочку селфи; ее лицо идеально обрामил контур табачного цвета, обозначающий «Бейкерлоо», седьмую линию лондонского метрополитена.

По вагону вновь разнесся сигнал, предупреждающий о закрытии дверей. И в этот момент в него запрыгнула последняя пассажирка. Покачнувшись вбок в своих сапогах на высоченных каблуках, она оглушила попутчиков громким возгласом:

— Ой-ой-ой!

Но тут же ухватилась рукой за поручень и резко выпрямилась; два желтых пакета из универсама «Селфриджес» характерно звякнули о стеклянную перегородку. Оценив быстрым взглядом старомодные скамьи, женщина с хмельной улыбкой шагнула к мягким сиденьям и рухнула на одно из них, в паре мест от уставшего пожилого трудяги.

Ее черное платье с рукавами длиной до середины бедра было настолько хорошо скроено, что Джесс сразу сообразила: оно дизайнерское. Случайно встретившись с ней взглядом, женщина одарила Джесс легкой ухмылкой. Потом отбросила на одно плечо свои длинные рыжие волосы и, поерзав на сиденье, вызволила серовато-коричневый кожаный тоут от «Селин», наполовину придавленный за спиной при посадке. И принялась рыться в нем. Кошелек, смятая

пачка тампонов, компактная пудреница от «Бобби Браун» и прилегающая к ней кисть — все было выложено на колени, прежде чем хозяйка, наконец, докопалась до дна сумки и извлекла из нее мобильник. Джесс мысленно улыбнулась: «Эта женщина явно отлично провела вечер, раз позабыла про телефон в недрах тоута». Телефон самой Джесс на протяжении всей ее встречи пролежал экраном вверх на столе рядом с ведерком со льдом для охлаждения вина — якобы на случай, если дома вдруг что-то случится (хотя Джесс не сомневалась, что с дочками и Алексом все в порядке; муж справлялся с ними гораздо лучше и с легкостью выполнял и отцовские, и материнские обязанности в ее отсутствие). На самом деле Джесс молилась, чтобы ей представилась возможность уйти с этой встречи пораньше. Или хотя бы о еще одном СМС от Лив — со словами поддержки. У нее уже давно не выдавалось таких классных, полных беззаботного веселья и смеха вечеров, чтобы позабыть о телефоне, погребенном на дне сумки.

Словно прочитав ее мысли, рыжеволосая пассажирка приложила нижний край мобильного к рту и начала шепотом наговаривать голосовое сообщение. Слова зазвучали натужно, выдавая те усилия, которых ей стоила попытка понизить голос. Но отрегулировать должным образом их громкость подвыпившей пассажирке все равно не удалось. Джесс снова улыбнулась про себя.

— Прости, малыш, — полупшепотом проговорила женщина. — Я пропустила твои звонки. Я выпила пару бокалов мартини. — Сделав паузу, она виновато

хмыкнула себе и тому, кому предназначалось сообщение. — Знаю, мне не следовало этого делать, но ведь от пары бокалов вреда не будет, и в последнее время я была пайнкой. Ой, да, кстати, — слова посыпались с ее губ в пьяной спешке: — У меня есть подарок к свадьбе Саши и Дэна! В посудном отделе «Селфриджес» была распродажа, и я купила им набор «Ле Крузе». А сейчас я в метро, еду в поезде, скоро буду. Я помню, что тебе завтра рано вставать, и постараюсь вести себя тихо-тихо, как мышка, когда вернусь... Люблю тебя-я-я, — нарочито растянув последнее слово, женщина отправила сообщение. И, адресовав Джесс новую улыбку — на этот раз вроде бы виноватую, — принялась убирать в сумку выуженные вещи.

Нескончаемая болтовня молодых протестантов, перемежавшаяся шутками и взрывами хохота, заполонила вагон. Усталый работяга, осторожно упершись локтем в бесполезный вертикальный подлокотник, прикрыл лицо рукой; его веки затрепетали, угрожая опуститься на глаза. А парочке подростков, похоже, все было фиолетово. Они словно находились одни на необитаемом острове и не обращали ни малейшего внимания на остальных пассажиров.

Поезд замедлил ход, готовясь сделать очередную остановку. Но, едва двери открылись, по вагону разнесся пронзительный крик.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джесс быстро вскинула голову, от резкого движения шею пронзила боль. Но увидела она лишь пару подростков, зашедшихся диким хохотом после того, как парень испустил истошный крик, а девчонка вытаскивала телефон и, засняв орущего бойфренда, замахала мобильником по сторонам в попытке зафиксировать взгляды шокированных пассажиров. Выходка ребят застигла Джесс врасплох и спровоцировала выброс адреналина. Но стоило ей понять, что к чему, и пустившееся вскачь сердце замедлило ритм. Она отвела взгляд от мобильника в руке девушки. Это ведь позволялось — снимать случайных и незнакомых тебе попутчиков? Джесс не слышала ни о каком законе, запрещавшем это делать. Она снова подняла глаза. Но уже для того, чтобы посмотреть, где они. «Риджентс-парк». На следующей станции — «Бейкер-стрит» — ей предстояло сойти, пересечь на «Юбилейную линию», и поезд помчал бы ее на север. Домой.

Поначалу Джесс показалось, что студенты высыпали из вагона всей гурьбой. Причем некоторые из них, высаживаясь на перрон, успели смерить ду-

рашливых подростков неодобрительными взглядами и закатить глаза. А остальные, стреножившие товарищей своими плакатами и натывавшиеся на чужие, сами зашлись громким смехом. Но когда двери вагона снова закрылись, Джесс заметила, что одна из студенток не вышла, а, попятившись назад, махнула всем на прощанье рукой со слегка обиженным выражением на лице. Куда бы ни намыливались ее друзья дальше, девушка с густыми вьющимися волосами уже почувствовала себя покинутой и обделенной. Теперь, когда все ее спутники отсыпались, Джесс смогла прочитать лозунг на плакате, который девушка выставила перед собой, пока выискивала глазами, куда лучше присесть. На плотном ватмане черным маркером было выведено «Да, все люди значимы!»; жирные буквы, словно подтаяв, истекали темными подтеками. Футболка на девушке тоже была черной; на груди белела четкая строка: «Я ни на что такое не напрашиваюсь». Джесс вспомнилось дело об изнасиловании, которое ей довелось вести несколько лет назад, в бытность детективом-констеблем. Время и силы, отданные сбору железобетонных доказательств, оказались потраченными впустую: присяжные заседатели сочли парня невиновным после того, как защита предоставила им многочисленные фотографии и видео с жертвой, танцевавшей в пьяном угаре с будущим обидчиком за несколько часов до насилия.

«Что ж, за этих студентов можно порадоваться», — подумала Джесс. Иногда — невзирая на все, чего она насмотрелась на прежней работе, —

Джесс возлагала слабую надежду на тот мир, который предстояло унаследовать ее дочерям.

Участница протеста устремила взгляд в самую пустую часть вагона, откуда розоволицый любитель «Карлинга» хмуро пялился на ее плакат. Судя по приоткрытому рту, мужчину явно подмывало высказаться о нем. А выражение его лица и странное порывивание, вырывавшееся из наморщенного носа, убедили Джесс в том, что этот комментарий не был бы положительным. Студентка выдержала взгляд пивомана вызывающе дерзко, но все же предпочла сесть в одном ряду с Джесс.

Чтобы было где пристроить плакат, девушка плюхнулась на крайнее сиденье, в двух местах от Джесс и напротив все еще потешавшихся подростков. А поезд пустился в свой короткий заезд до «Бейкер-стрит» под сводом из резного кирпича, лишь на мгновенья освещаемого огнями.

Джесс поднялась, схватилась за поручень над головой, намереваясь пройти и подождать у дверей. Как вдруг ее мотнуло в сторону. Неизящно качнувшись назад, она попыталась сохранить равновесие, но все-таки не устояла на ногах и упала на два — слава богу, пустых! — сиденья.

Поезд резко остановился, и Джесс закатила глаза. Копчик, принявший на себя удар при падении, заныл болью. «Ну ведь почти доехали», — подумала Джесс, выпрямившись и с нетерпением ожидая, когда поезд продолжит движение.

Но вместо этого вдруг пробудилась к жизни система внутренней связи. И Джесс услышала приглу-

шенное оповещение машиниста. Инстинктивно она повернула голову к закрытой дверце его кабины — как будто посчитала вежливым обратить свое внимание на человека за стенкой.

— Примите мои извинения, граждане, — проговорил голос с отработанной легкостью, хотя Джесс показалось, что она расслышала в тоне машиниста нотку разочарования, — нам пришлось сделать вынужденную остановку. Мне пока неизвестно, в чем дело, но, пожалуйста, наберитесь терпения. Я все выясню, и, надеюсь, мы сможем возобновить движение, как только...

Объявление прервалось одновременно с погасшим светом; профессиональный тон машиниста сменил оглушительный скрип.

Весь вагон погрузился в темноту.

— Что за... — Джесс завертела головой во все стороны, ожидая, когда глаза привыкнут к непроницаемой темноте, а визгливый скрип прекратится. Но они находились под землей на глубине в тридцать метров, придавленные наземным Лондоном. И тьма была настолько крошечной, что зрению не на что было настроиться, а звук, забивший ее слуховые каналы, стал въедаться в мозг.

Джесс запаниковала не сразу. Поначалу она только ощутила прилив недовольства вкупе с надеждой на то, что темноту очень скоро рассеет свет, и они — успокоенные — продолжат путь.

Паника завладевала ей медленно. Мгновенья словно растянулись в минуты, а минуты — в часы. Джесс призывала на помощь логику, убеждала себя: